

РОМАН МИХЕЕНКОВ

ОРДЕН
ФРАНКЕНШТЕЙНА

Роман Михеенков не изобретает колеса, резонно вспоминая, что оно уже изобретено и уже куда-то вместе с мирком симкатится, а хоть бы и в тартарары. Его трагикомичные этюды предельно прозрачны — в его простоте и прямоте нет подтекстов, все как на ладони: и все жутко, жутко узнаваемо, хочешь того или... в общем, другой реальности у нас для вас нет!

Наталья Рубанова, журнал «Знамя»

В лице Романа Михеенкова мы имеем полифоничного автора, уже реализовавшего себя в разных областях искусства. Его можно назвать человеком Возрождения, универсально одаренным в разных сферах. Не оставит никого равнодушным и его новая книга.

Александр Карпенко, «Независимая газета»

Страшное перемежается смешным, а на выходе получается трогательное, нежное, ностальгическое. А это как раз то, что подкупает и принципиально не может оставить равнодушным.

Сергей Трунев, журнал «Волга»

Если вы из тех людей, что ценят одновременно изысканный и легкий слог, головокружительные сюжетные твисты и харизматичных героев, то вам сюда. Проза Романа Михеенкова остроумна, нежна, иногда грубовато-нежна, иногда нежно-грубовата, но всегда захватывает и увлекает.

Надя Делаланд, поэт, литературный критик

РОМАН МИХЕЕНКОВ

ОРДЕН
ФРАНКЕНШТЕЙНА

БОСТОН • 2026 • BOSTON

Роман Михеенков

Орден Франкенштейна. *Избранное*

Roman Mikheenkov

The Order of Frankenstein: *Selected Works*

Copyright © 2021–2026 by Roman Mikheenkov

Copyright © 2026 by M•GRAPHICS

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder(s).

ISBN 978-1-970342-44-4

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 mgraphics-books.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2026

Отпечатано в США

СОДЕРЖАНИЕ

Орден Франкенштейна, *повесть*. 9

Портрет Доры Серовой, *роман*. 83

Рассказы

Звездочёт. 269

Кирюша хороший. 289

Занимательная генеалогия 312

Час Прометея 336

Гуидак 347

Личная песенка. 367

Внимание!

В тексте книги используется ненормативная лексика!

ОРДЕН ФРАНКЕНШТЕЙНА

Сюита для телевизора с оркестром

— Какой урод сегодня вместо щуки сибаса на крючок насадил? Дебилы! — генерал Панфилов бросил под язык ещё одно зёрнышко нитроглицерина и испепелил взглядом казарму.

— Что дали, то и насадил. Не разбираюсь в рыбе. Я веган, — попытался оправдаться актёр по прозвищу Тузенбах, временно исполнявший обязанности водолаза.

— А ты, урод, не мог съёмку остановить? А ты, ушлёпок, куда смотрел? — генерал навис над режиссёром и оператором, те переглянулись и опустили глаза. — Вся ваша шайка мутантов два месяца работает без премии, компьютерная графика за ваш счёт. Будем из сибаса щуку в 3D рисовать для телевидения. Кто бы из вас нормальных людей нарисовал. Суки позорные.

— К актёрам какие претензии? — поинтересовался Сталлоне.

— Тебе перечислить? Кто, твою мать, размороженного сибаса не смог с первого раза сачком поймать? Кто текст какой-то левый мямлил? Играть уважение и робость перед начальством нужно с чёткой дикцией и по сценарию. А как вы изображали радость?! Будто он не рыбу, а дохлую крысу выловил. Ещё один такой косяк — отправлю в Сирию играть ИГИЛовцев. Мёртвых.

— Волны, товарищ генерал, Айвазовскому такие писать, лодка ходуном ходила... — попытался оправдаться Сталлоне.

— Вот именно! Лодку раскачали, уроды толстожопые, болталась, как говно в проруби, чуть первое лицо государства не перевернули, — продолжил генерал перечисление недостатков в работе подчинённых.

— Удержали же, товарищ генерал! Если бы не мы...

— Это сделали бы солдаты НАТО, — подхватил Отелло, пытаясь разрядить обстановку.

— Ты когда-нибудь дошутишься. А где новенький? Где этот суций Франкенштейн? — вспомнил Панфилов.

— Здесь... — в тёмном углу казармы возникло робкое шевеление.

— Выходи на свет, снимай трусы!

Заскучавшие на втором часу собрания бойцы подразделения «Т» ФСБ РФ мгновенно оживились и обратили взоры на новобранца.

— Товарищ генерал, как-то не по уставу, не ваша палитра, — хохотнул Сталлоне.

Франкенштейн на полусогнутых доплёлся до светового пятна в центре помещения. Он поднял полные слёз глаза в поисках защиты, хотя бы сочувствия, но встретил лишь хищные взгляды товарищей. Казарма предвкушала зрелище.

— Исполнять приказ! — скомандовал генерал.

Новобранец дрожащими пальцами расстегнул тугие пуговицы гульфика, джинсы рухнули на кроссовки, обнажив тощие ноги, торчавшие из серых трусов-боксёров.

— Может, музыку включим? — предложил Отелло.

Ответа не последовало. Молодой человек приподнял футболку, запустил пальцы под резинку трусов.

— Отставить! — гаркнул генерал. — Ты трусы сменил?

— Так точно, — выдохнул новенький, и мгновенно натянул джинсы.

По казарме прокатился стон разочарования.

— В чём дело-то, объясните в красках, товарищ генерал? — поинтересовался Сталлоне.

— Этот недотыкомка нам своими трусами половину видеоматериала запарол. Сидит, сука, в кадре, жопой своей тощей к камере, а над штанами трусы торчат.

— Да, незстетичненько, — согласился Отелло.

— Что ты мне тут про эстетику! Резинка от трусов желто-синяя была! Будто в штанах у него украинский флаг!

Казарма дружно заржала.

— Сука бандеровская, ты первый кандидат в Сирию, — генерал развернулся на каблуках и удалился, оглушительно хлопнув дверью.

* * *

Франкенштейн, в миру Гена Счастливец, приехал в Москву из Забайкалья поступать в театральный. О сыне-актёре мечтали папа — директор Дома Культуры секретной воинской части, и мама — заведующая лазаретом. Гена тоже мечтал об актёрской карьере. В своих самых радужных снах он выходил на сцену МХАТа в роли Гамлета. Кроме того, Гена мечтал навсегда сбежать от воинской части и армии вообще.

На прослушивании экзаменационная комиссия рыдала от смеха, хотя Гена читал осточертевшую всем театральным педагогам басню «Ворона и лисица». Затем он выдал «В этом мире я только прохожий» — чем же ещё удивлять комиссию абитуриенту с внешностью сказочного Леля? Новоявленного Есенина попросили появиться сразу на конкурсе, минуя следующие туры.

Гена курил на лавочке у Щукинского училища, предвкушая головокружительную карьеру. К середине сигареты абитуриент уже видел себя выходящим на поклон в шекспировском «Глобусе» под бесконечные овации зала и не заметил, откуда рядом появился невзрачный мужчина в сером костюме. На мгновение незнакомец приоткрыл багряное удостоверение и тихо, но внятно произнёс: «Есть разговор». В его руке возник массивный брелок с двуглавым орлом — напротив, у двери клуба «Мятный носорог», крикнул и моргнул фарами чёрный внедорожник. Абитуриент Счастливец хотел отказаться — он был окрылён успехом, мечтал о холодном пиве. Почему согласился? Наверное, сказалось казарменное воспитание.

Ехали минут сорок, остановились возле высокой бетонной ограды с вооружённой охраной у ворот. В подвальном кабинете, походившем на тюремную камеру, «невзрачный» разразился бесконечным и мутным монологом о тяжёлом международном положении, о родине, встающей с колен... Огромная ядовито-зелёная муха, переливаясь всеми цветами радуги, кружила по комнате, будто тяжёлый вражеский бомбардировщик. Низкое бархатное жужжание меняло тональность, едва муха подлетала к оратору, и возвращалось к зловещему гулу при

заходе на следующий круг, когда она отступала перед новой атакой. Растворившись в жужжании, Гена не сразу осознал, что духоподъёмная речь закончилась. Муха приземлилась на стол, комната погрузилась в тишину. Хозяин кабинета пристально смотрел на Гену. Не отводя взгляда, медленно извлёк из кармана удостоверение и коротким резким ударом пригвоздил муху к столу. Затем вынул из ящика стола салфетку, тщательно протёр документ и стол.

— Тебя отобрали как лучшего из лучших. Как актёра и гражданина. В сериалах и театрах пусть бездари кривляются. Пришло время послужить Родине, сынок.

— А делать-то что? — поинтересовался Гена.

— Я же сказал: служить Родине на сцене и экране. Ты по телевизору видел, как первые лица государства общаются с простыми людьми: рыбаками, трактористами, хлеборобами? Так вот, Геннадий, нет никаких простых людей. А если они где-то и есть, то их к первым лицам на пушечный выстрел нельзя подпускать. Мало ли что. Народ — он опасен и непредсказуем. Для того и создан наш театр — отдел «Т» при ФСБ Российской Федерации под руководством генерала Панфилова. Проще говоря, панфиловцы. Мы и шахтёры, и ткачихи, и моряки. Мы же и гей-парадом пройдем, если Родина прикажет. Каждый выход руководства в народ — наш новый спектакль для новостей по телевизору.

— Мне надо подумать.

— Думать не о чем — вариантов у тебя не так много. Слишком много знаешь. Так что, или ты с нами, или... — фээсбешник развёл руками.

— С родителями посоветоваться...

— Родители в курсе. Одобряют твой выбор. Подпиши здесь, — он положил перед Геной ручку с двуглавым орлом и пустой лист бумаги.

— Договор без текста... — молодой человек попытался выжать из себя удивление, но не получилось.

— Здесь подпиши, — человек из органов ткнул пальцем в правую нижнюю часть листа.

— Первый раз такое подписываю, — произнёс Гена, передавая подписанный лист.

— Это не договор. Договоров у нас не бывает. И нет никакого отдела «Т». Официально ты свободен. А листок пригодится для предсмертной записки, если вздумаешь чудить, — улыбнулся фэ-эсбешник. — Сегодня спишь здесь. Утром сбор труппы — познакомись с коллегами. Потом устрою тебя в казарму.

Ночью Гена тщетно пытался заглушить рыдания подушкой. Едва не задохнулся. Рыдал подробно, по пунктам, не смешивая одно страдание с другим. Сначала винил себя за легкомыслие, потом родителей за предательство — предположил, что это они рекомендовали его кандидатуру спецслужбам. Затем проклинал злодейку-судьбу и жестокого бога, создавшего для юноши ад на земле. К рассвету вымотался и уснул, шепча монолог Гамлета.

Амплитуда эмоций, пережитых за один день в большом городе, навела тревожные сны. Его до утра вертело в гигантском калейдоскопе, постепенно разогнавшемся до скорости смерча. Стоит ли удивляться: юноша всю предыдущую жизнь был сжат тисками уныния и предсказуемости казармы. В их воинской части менялись только времена года и личный состав. Спрятаться от казармы ему удавалось лишь на занятиях в детской театральной студии местного райцентра и в заброшенной библиотеке, созданной ещё узниками ГУЛАГа. Там он нашёл текст «Гамлета», там началось и его эротическое образование: альбомы живописи барокко, романы Альфреда де Мюссе. Произведения Дюма воспитали его благородным рыцарем, ценящим дружбу и поклоняющимся Прекрасной Даме. Стихи Баркова добавили к портрету дамы пикантные штрихи.

Утром Гену разбудила уборщица — престарелая Золушка с лохматой шваброй. Погладила по голове, коротко всплакнула и проводила в столовую. Завтрак показался новобранцу воистину королевским: многообразие экзотических салатов, по несколько видов рыбы и мяса. Главное — подходи и сам себе накладывай,

сколько хочешь. И нет никого — то ли все уже поели, то ли он первым пришёл. Всё детство Гена Счастливец ел в армейской столовой вместе с солдатами. Мать готовила по редким праздникам и совсем не вкусно. Шведский стол на несколько минут отвлёк от размышлений о горькой судьбе.

— *Бон апети*, — зевая и пошатываясь, в столовую вошёл бородатый мужик в мятом спортивном костюме.

— Доброе утро.

— Герасим, — представился вошедший и погрузил дрожащую пятерню с жёлтыми ногтями в облако лохматой бороды.

— Гена.

— Здоровье поправим, Гена? — бородач достал из кармана мерзавчик водки, идеально поровну разлил по стаканам. — А то у нас, *пардон муа*, вчера день рождения был... чей-то... — трубы горят.

Новобранцу приходилось выпивать с солдатами тайком от родителей, но чтобы с утра... Хорошо, что успел позавтракать.

Водка разлилась по телу Гены Счастливец приятной волной. Его новый знакомый преобразился. Вместо сонного нечёсаного хмыря напротив Гены оказался энергичный собеседник, интересующийся абсолютно всем. Затерзал новобранца самыми неожиданными вопросами. За несколько минут расспросил его об особенностях флоры Забайкалья, выяснил гастрономические предпочтения Гениного кота Прапора, поинтересовался группой крови его отца. Затем так же молниеносно выключился из беседы и впал в изначальное состояние апатии.

— У тебя есть чё? — он с тоской заглянул в пустой мерзавчик.

— Вынужден вас огорчить.

— *Се ля ви*, — Герасим встал и поплёлся к выходу, так ничего и не съев.

— Скажите, пожалуйста, а где будет сбор трупы?

— По коридору налево.

У входа в конференц-зал уже собралось несколько бойцов подразделения «Т». Хмуро курили, перебрасываясь короткими

репликами. Новобранец стал для них поводом сфокусировать размытое похмельем внимание.

— Духа пригнали, — кивнул невидимому собеседнику высокий тощий мужик. Он был вислоус и печален какой-то чужой печалью.

— У Щепки взяли? — прищурился на Гену смуглый богатырь, имея в виду театральное училище имени Щепкина.

— У Шуки.

— Однокашник, щучий сын — широко улыбнувшись, протянул руку курносый мужчина с блестящей лысиной и рыжими бакенбардами.

— Гена Счастливец, — ответил новобранец на рукопожатие.

— Франкенштейн, — тощий придирчиво осматривал Гену с головы до ног.

— Почему? — удивился Гена.

— У Островского в пьесе «Лес» Несчастливец звали Геннадий, Счастливец — Аркадий. А тебя из двух персонажей собрали. Чистый Франкенштейн.

— Вот и кликуха для духа. Браво, Дон, — богатырь ударил себя кулаком в грудь, разжал пальцы и нежно дунул на ладонь, посылая удар, словно воздушный поцелуй.

— Добро пожаловать в семью, Франкенштейн. Я Дон Кихот, это Тузенбах и Отелло, — кивнул тощий на курного с бакенбардами и смуглого качка.

— А меня у МХАТа взяли, я с Женей Мироновым поступал. Эх, молодость... — загорелый гигант тряхнул чёрными кудрями, будто стараясь отогнать грустные воспоминания.

— Мне обращаться к вам по прозвищам, или можно имена узнать? — робко поинтересовался дух.

— Имён тут нет, только погоняла. Контора шифроваться велит, — объяснил Дон Кихот.

— Свежее мясо! — в курилку ворвалась взлохмаченная брюнетка с горящими глазами и роскошной задницей, обтянутой кожаной юбкой.

Она подлетела к Гене, через брюки стремглаз в пригоршню его мужское хозяйство и подробно ощупала.

— М-м-м-м... Всё, как я люблю, — оценила брюнетка.

— Не смущай духа, Валькирия, — Тузенбах засунул руку в карман и отвернулся.

— Не завидуй, — бросила Валькирия в ответ и сжевала Генины губы порочным поцелуем.

— Не для тебя эта роза расцвела, — покачал головой Отелло.

— Ты откуда знаешь? — обернулась Валькирия.

— Не знаю, но ставки принимаю, — Отелло извлёк из кармана блокнот.

— На вечер ничего не планируй, красавчик, — она ещё раз сжала Генины причиндалы, медленно, будто нехотя, отпустила и проследовала в конференц-зал.

Постепенно подтягивались и другие панфиловцы. Гену знали с ними, но после пролёта Валькирии он пребывал в прострации и почти никого не запомнил. Мысль о вечере вызывала эйфорию и панический ужас одновременно. Физическую близость с женщиной он факультативно познал по альбомам живописи эпохи Барокко. Другого опыта не было. Пытаясь представить, что ждёт его в постели с этой умопомрачительной женщиной, юноша воображал себя то Вакхом, то сатиром, то Самсоном.

Гена вернулся в реальность с появлением генерала Панфилова. Художественный руководитель отдела «Т» был статен, грозен и похож на Станиславского. Генерал вписал кличку новобранца в записную книжку. Именем даже не поинтересовался. Быстро разобрав последний проект, связанный с погружением руководства страны в какое-то море, он назвал бойцов уродами, мутантами и дебилами. Пообещал репрессии.

— Хорошо работала только Кровавая наша Мэри. Рекомендую всем на неё равняться. Простая, казалось бы, задача — встреча с хлебом-солью, а как выполнена! И русской души широта, даром что еврейка, и патриотизм зашкаливает, и лёгкий разврат в глазах. Ровно столько, чтобы не переборщить. Правильно говорят: нет маленьких ролей.

Все посмотрели на Мэри — рыжеволосую даму лет тридцати с бюстом, достойным, как показалось Гене, кисти Рубенса.

— Служу России, — Кровавая Мэри смачно облизала губы и похотливо поиграла язычком.

— Кстати, поручаю тебе обучение новобранца Франкенштейна. Оттачивайте актёрское мастерство, — хитро улыбнулся генерал.

Панфиловцы взвыли от восторга и переключили внимание на Валькирию. Та испепелила Кровавую Мэри взглядом и провела большим пальцем по горлу. В ответ рыжая красноречиво поправила бюст и послала Валькирии воздушный поцелуй. В животе у новобранца Франкенштейна сделалось нехорошо. Из древнегреческих мифов Гена знал: если на невинного юношу обращают внимание сразу две богини — для юноши это всегда заканчивается плачевно.

— Держись, Франкенштейн, держись, родненький — хлопнул новенького по спине Чингачгук — представитель одного из северных народов необъятной родины. — За меня разок Валькирии присунь, а можно и обеим.

На коричневом лице Чингачгука морщины были нанесены природой вне всякой логики. Они больше напоминали следы порки розгами. Горизонтальная улыбка превращала их обладателя в одного из персонажей Гойи. А может быть, Чингачгука всю жизнь хлестали по лицу две его полуметровые косы с вплетёнными разноцветными перьями? Гена мысленно поместил косы в мохнатые уши коллеги и улыбнулся — получилась кукла из его детства. Куклу надевали на чайник, чтобы сохранить температуру воды. Вдруг вспомнилось, как в младенчестве его кормили манной кашей с комочками: ложка за маму, ложка за папу, ложка за кота Прапора. Новобранец ощутил во рту вкус манной каши, и его едва не стошнило.

— Сегодня работаем по штатному расписанию, у нас скоро ночной хоккей. Создать образ болельщика на стадионе — серьёзнейшая работа. Ищем зерно роли, думаем о сверхзадаче, подбираем реквизит. Сегодня заняты только... — генерал сделал паузу, осмотрел бойцов. — Отелло, Сталлоне, Валькирия и... Кровавая

Мэри. Слетевшие ставки на Мэри отозвались в труппе сдавленным стоном разочарования. «Ёперный театр!» — прокатилось по залу.

— Что играем, товарищ генерал? — поинтересовался Сталлоне — импозантный брюнет с глазами спаниеля, не прерывая процесса подпиливания ногтей маникюрной пилочкой.

— В Большой театр идёте. Роль — зрители в ложе, потом гости на банкете в честь премьеры. Задача ответственная. Соседняя ложа — царская, в ней руководство страны. Попасть в телекамеры можете в любую секунду, поэтому не расслабляться. По парам сами разобьётесь.

Валькирия и Кровавая Мэри, не сговариваясь, перевели взгляды на блондинку — настоящую русскую красавицу, отзывавшуюся на кличку Снегурочка. Все остальные бойцы, включая генерала Панфилова, неотрывно следили за происходящим между дамами поединком. Реакцию Снегурочки Гене понять не удалось. Исполненная надменного спокойствия и холодного презрения к миру, она без видимых усилий пожирала пространство вокруг себя, обращая материю Вселенной в лёд. Новобранцу Счастливецеву показалось, что им ледяная дева совсем не заинтересовалась.

— Твою же мать, — огорчился Чингачгук.

— Вы хотели пойти в Большой? — поинтересовался Гена.

— Я на Валькирию поставил.

— В смысле?

— Что она тебя того... первая оприходует. Пузырь вискаря проиграл.

— Сочувствую.

— Что уж теперь. Снегурочке от меня на полшишечки.

— Она вроде бы и внимания на меня не обращает, — беспокоился новобранец.

— Что б ты понимал.

Гена покосился на ледяную деву, стараясь сделать это незаметно. Снегурочка смотрела сквозь пространство и улыбалась своим мыслям. Самой светлой мыслью, судя по мурашкам, забегавшим по телу юноши, был план организации геноцида не слишком ма-

лого народа. Или даже апокалипсиса. От её улыбки хотелось убежать на край света и никогда не возвращаться.

— Занятые вечером — приступить к исполнению. Остальные работают по штатному расписанию. Всем творческих успехов. Свободны, — Панфилов откланялся и удалился под аплодисменты труппы.

После сбора труппы злой гений, увлѣкший Гену Счастливец-ва на подмостки дьявольского театра, повѣл его на экскурсию. Внутри «периметра» — высокого бетонного забора с колючей проволокой по верху, располагалось всего три объекта: будка охраны у въездных ворот, казарма — башня красного кирпича, и обшарпанный клуб — в нём располагались столовая и зал для собраний. Казарма, судя по архитектуре, когда-то была свя-тилищем неизвестного новобранцу культа: внизу просторный зал, по периметру которого поднимался до самой крыши спиралевидный пандус. С пандуса низкие сводчатые двери открывались в комнаты-кельи. Сверху сквозь некогда прозрачную крышу на казарму взирал хитрый прищуренный глаз. Из-за мутного стекла было не совсем понятно — витраж или просто налипшая прошлогодняя листва. Но смотреть в это око было жутковато. Казалось, оно всё про тебя знает. В целом странное сооружение походило на Вавилонскую башню, вывернутую наизнанку. А клуб был самым обыкновенным — классика советской архитектуры. Только в воинской части, где вырос Гена, облезлая краска на таком же клубе когда-то была красной, а на этом голубой.

Проведя экскурсию и показав все бытовые необходимости, вербовщик заселил новобранца в небольшую узкую келью. Обстановка предельно простая: кровать, стол, стул, шкаф, телевизор. Неоткрывающееся окно с видом на мусорные баки.

К удивлению Гены, оказалось, что это не тюрьма. Если в расписании нет репетиций или собраний, можно идти на все четыре стороны. Казарменный режим — исключительно накануне операций. И отпуск полагается, но из отпуска в любой момент

могут отозвать. За «периметром» ночевать не рекомендуется, хотя никто за это не накажет.

— За границу, сам понимаешь, дорога тебе закрыта, но проекты у нас по всему миру, так что Лондон с Парижем в рабочем порядке увидишь, — злой гений на глазах превращался в доброго ангела — до приезда в Москву все перемещения Гены в пространстве ограничивались поездками в село Хусатуй и посёлок Агинское.

— Здорово... — неуверенно обрадовался новобранец.

— И запомни самое главное. Всего два правила: первое — никаких романов на работе, и второе — даже думать не смей о ролях, кроме тех, что даст тебе худрук. Все эти «амуры и зефиры» — засунь поглубже, а лучше забудь. Иначе...

— Я подписал чистый лист, — догадался Гена.

— Именно! Служи, актёр. Родина думает о тебе, это подъёмные, — он протянул конверт и нырнул в тонированный внедорожник.

В конверте обнаружилась годовая зарплата Гениных родителей. Новая жизнь начинала нравиться.

— Ты на кликуху не в обиде? — на лавочке у входа в казарму задумчиво курил Дон Кихот, дым струился вниз по его грустным усам.

— Что вы, раз уж такой порядок, — Гена присел рядом.

— Ну и славно. Гляжу, подъёмные получил. Всё не трать, завтра проставляешься, — он прикрыл глаза и мысленно пережил завтрашний день: от восторга первой рюмки до реанимации первым глотком рассола.

— Готов и сегодня, только скажите, где купить, — юноша обрадовался простой возможности освоиться в коллективе.

— Сегодня у тебя эротическое жертвоприношение. Да и мы после вчерашнего бухать не сможем, — он снова прикрыл глаза и мысленно пережил день вчерашний, — а магазин — двести метров через лесок направо от ворот. И торговый центр там же, чёрта лысого можно купить. Только список покупок составь заранее, а то с непривычки дерьма всякого накупишь.

* * *

Стеклянная вращающаяся дверь впустила Гену в сказочный мир торгового центра «Зазеркалье» с третьего оборота — войти решился не сразу. Юноша осмотрелся и замер: именно таким виделось ему будущее, предсказанное фантастикой из заброшенной библиотеки. Мелькающие разноцветными картинками огромные экраны, прозрачные лифты, парящие в пустоте, уходящие за горизонт ряды маленьких магазинов с чудесами техники. И бесщётное количество нарядных людей. Хотелось кричать и плакать. Признаться в любви удивительному миру и навсегда остаться в этом волшебном мгновении.

— Вам что-то подсказать? — инопланетянка с синими губами и крыльями бабочки за спиной вывела Гену из транса.

— Мне?.. — разглядывая девушку, он совсем растерялся.

— Кажется, вы у нас впервые.

— Вот список, — юноша протянул ей мятый листок.

— Вау! Вы, наверное, только из армии вернулись, — предположила «бабочка», обнаружив в списке всё: от зубной щётки до ноутбука.

— Примерно так...

— Предметы гигиены на нулевом этаже, мужская одежда на втором, компьютеры на этом. Лучше начать с мелочей, я вызову вам лифт.

В лифте Гена катался вверх-вниз, пока не закружилась голова. Затем не спеша обошёл второй этаж, но ни в один из магазинов зайти не решился — разглядывал витрины. Все манекены были какие-то немужественные, хотя одежда, надетая на них, нравилась. В конце концов Гена остановился перед манекеном, похожим на Жана Марэ в молодости. На нём были чёрные джинсы и коричневая кожаная куртка. Если Жану это понравилось — и мне подойдёт.

— В этом костюме вы будете супер-героем, — веснушчатая девушка в ковбойском наряде сняла с манекена куртку и набросила её на Генины плечи. — О! Я же говорила!

Она подвела молодого человека к зеркалу, помогла засунуть руки в рукава и элегантно довершила костюм широкополой шляпой.

Увидев в зеркале героя вестерна, новобранец Франкенштейн мгновенно вжился в образ. Захотелось вскочить на мустанга-иноходца, бросить поперёк седла красотку-продащицу и ускориться к багровому горизонту. Стараясь, чтобы не заметила, Гена разглядывал девушку в отражении. Гибкое тренированное тело излучало здоровье и пробуждало желание. Цвет волос определить не получалось — они были выкрашены в десяток разных оттенков. Глаза — смеющиеся, хитрые, но не коварные. Бейджик с именем «Юля» скользил по разноцветным клеточкам её рубашки в такт вздымающейся груди: зелёный — синий — красный — синий... Гена поймал себя на мысли, что ощущает это движение кончиками пальцев.

— Ну что, ковбой, берём? — подмигнула девушка.

— Берём!

— Отлично!

— И помогите мне вот с этим, — Гена протянул ей список и достал из кармана конверт с деньгами.

— Ух ты! Нетоптаная прерия. Наследство получил?

Юля провела юношу по магазинам, помогла выбрать всё необходимое, отговорила от ненужных трат.

— Барометр с якорями тебе зачем?! — закатывала изумрудные глаза девушка.

— Не знаю, у родителей в квартире такой висел.

— Ты бы ещё коврик на стену купил! И слоников на комод.

Гена вспомнил красный с жёлтым восточным орнаментом ковер на стене отцовского кабинета. В самом центре ковра портрет Сталина, а по бокам два старинных пистолета и сабли. Отцовский кумир ласково улыбался мальчику, даже когда тот воровал сигареты. И слоники были. У каждого — имя и своя увлекательная история. Младшего слоника — Ганнибала — юноша забрал с собой в Москву. На счастье.

— Чего завис, ковбой? По списку — всё, — Юля щёлкнула пальцами перед Гениным носом.

— Спасибо! Сам бы не справился. Могу я вас отблагодарить? Может, куплю что-то в подарок? Или...

— Можно и так, — девушка изучающее оглядела Гену. — Но лучше пригласи даму в ресторан. Я сегодня до восьми работаю, потом до утра свободна.

Гена растерялся: рестораны, подобно сексу, были для него той самой нетоптаной прерией. Утончённых джентльменов, элегантно управляющихся с устрицами в ресторане «Максим», он видел только в кино. Куда ему до них.

— Ладно, проехали, — разочарованно выдохнула Юля, не увидев энтузиазма.

— Я никогда не был в ресторане, — опустив глаза, выдохнул юноша. — Наверное, костюм надо купить? И галстук...

— Расслабься, — рассмеялась девушка. — Мы ж без понтов и пафоса. Джинсы сгодятся. Пивка выпьем, по стейку съедим, познакомимся поближе.

Но мысли новобранца были уже далеко: он вспомнил уготованную ему на сегодняшний вечер роль жертвы на эротическом алтаре. О, ужас. С другой стороны, кто накажет, если он не явится? За забор выходить можно, ночевать в казарме необязательно. А девушка Юля гораздо милее и уж точно безопаснее любой из трёх фурий, сражавшихся сегодня утром за его девственную плоть.

— В восемь у выхода из «Зазеркалья», — очнулся Гена от страшного сна.

Примеряя новые джинсы и вертясь перед зеркалом, новобранец Франкенштейн пытался понять природу собственной привлекательности. Мама всегда говорила, что он красавец, только Гена ей не очень-то верил. Но четыре возжелавших его женщины за два неполных дня в Москве — это же успех? Успех. Нет, Успех! Такого даже в кино не бывает. «We are the champions...», — он включил музыку. До встречи с очаровательной продавщицей Юлей оставался ещё целый час.

Подпевая Фредди Меркьюри, Гена не слышал звука открывающейся двери. Он обернулся, ощутив вползающий в комнату холод. Снегурочка медленно плыла в его сторону. Так перемещаются в пространстве привидения из фильмов ужасов и солистки ансамбля «Берёзка». Замерла, улыбаясь уголками губ. Белый шелковый халат упал к её ногам. В совершенном обнажённом теле не было ни намёка на стыдливость или незащищённость. Абсолютная власть. Она сразу полностью подчинила себе волю юноши: двигаясь, будто в замедленной съёмке, он задрнул шторы, разделся, выключил свет и лёг на кровать. Парализованными губами попытался прошептать «мамочка», но губы отказывались повиноваться. В абсолютной темноте он не мог видеть Снегурочку, отчего становилось ещё страшнее. В памяти всплывали пугающие и одновременно возбуждающие сцены из эротических романов восемнадцатого столетия. «Сладострастный монах». «Письма к Евлалии».

От первого прикосновения Гена вздрогнул: Снегурочка ледяными ладонями взяла его за правую голень и, неспешно массируя, направилась вверх по телу. Казалось, она прощупывает мясо перед приготовлением, выбирает наиболее сочные куски. Её руки поднимались всё выше. Хруст коленного сустава в тишине кельи прозвучал короткой автоматной очередью. Внутренней стороне бедра она уделила особое внимание: меняя направление движений, Снегурочка рисовала на нём картины из жизни преисподней — они зловещим пламенем проецировались на плотно сжатые веки Геннадия. Жар адского огня постепенно охватил его трепещущее тело, воззвал к испуганной плоти и до краёв наполнил её неистовой силой порока. Гена созерцал свой нефритовый жезл как нечто отдельное от себя. Будто читал о нём роман Альфреда де Мюссе. Меж тем женщина продолжила натальную живопись на Генином животе. Острыми ногтями она создавала вокруг его пупка витраж мрачного замка, как представлялось Гене. Он вспомнил мамин массаж «рельсы-рельсы, шпалы-шпалы», как это было спокойно и по-домашнему. Будто услышав о рельсах, Снегурочка провела две жёсткие линии к его груди и надавила

ладонями, сковав дыхание. Но это оказалось не самым страшным: юноша почувствовал, что, опираясь на него, женщина перекидывает ногу через его чресла и медленно опускается.

Паника первого астронавта на Луне охватила Гену. Надвигающееся Неведомое пожирало всё сущее. Время замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Господи, помоги! Господи, как? Подскажи, господи! Не оставляй меня!

Господь молчал. Снегурочка опускалась всё ниже. Ниже. Волны ужаса накатывали со всех сторон одновременно. Они превращались в водоворот, влекущий юношу в пугающие бездны. Вселенная сжалась до маленькой точки, пульсировавшей страхом, и взорвалась озарением.

КАМАСУТРА ОТ ЧИНГАЧГУКА

В памяти Гены вспыхнуло пожелание Чингачгука — «присунуть» за него Брунгильде. Да! Вот я за него это и сделаю! В самом термине есть что-то лёгкое и непринуждённое. Шёл мимо, присунул невзначай. Всё равно, что спросить случайного прохожего «который час» или «как пройти в библиотеку». Но главное — я стану им!

Перевоплощение по всем пяти принципам системы Станиславского произошло мгновенно. Правда, от нервного напряжения в сознании юного актёра всё смешалось, и образ получился весьма эклектичным. Вождь индейцев в исполнении Гойко Митича наполнил Гену несокрушимой силой Большого Змея, однополчанин с севера добавил ему суровости насильника белых медведиц, а Чук и Гек подглядывали за всем этим в замочную скважину. Но образ работал!

Настоящий Чингачгук в своей келье всю ночь молился северным богам, пытаясь остановить икоту. Снегурочка и Гена неистово терзали друг друга, пока рассвет не просочился сквозь плотные шторы.

— Умопомррррррачительно, — голос у Снегурочки был бархатным и мурлыкающим, она слегка грассировала, что придавало тембру дополнительное очарование.

— Уффф... — Гена не знал, что ответить.

— Дай сюда мобильник.

Пока он искал телефон, женщина встала и сладко, со стоном, потянулась.

— Ложись, — велела Снегурочка, завладев Гениным телефоном.

Гена повиновался. Из событий этой ночи он ничего не помнил, поскольку до последнего мгновения играл роль Чингач-гука. Теперь, выяснив, что всё получилось, обрадовался возможности ощутить процесс самостоятельно, без перевоплощений. Женщина оседлала юношу и, вытянув руку, сделала их совместное фото.

— Девоч подразню. В кои-то веки я их опередила, — объяснила Снегурочка, и принялась водить пальцами по экрану, отправляя фото соперницам. — Ну, жеребец, до новых встреч в эфире.

— А может быть... — попытался удержать её Гена.

— Вот ненасытный! Я три дня ходить не смогу, а ему всё мало.

Оставшись в одиночестве, юноша вспомнил, что Снегурочке Чингачгук просил присунуть за него на полшишечки. Не более того. Только вот делений на этой самой шишечке Гена пока не знал. Наверное, перестарался.

В памяти что-то больно кольнуло. Юлия из «Зазеркалья»! Девушка так и не дождалась его у выхода из торгового центра. Обиделась, наверное. Но в этот момент все мысли смело ураганом голода. Гена почувствовал, что готов проглотить без остатка шведский стол и попросить добавки.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

В столовой он застал одинокого Соломона — бутафора и статиста подразделения «Т». Под телекамеры его пускали редко, исключительно в массовке и на заднем плане — скорбный семитский нос отвлекал телезрителей от наблюдения за первыми лицами государства, а тоска во взоре убивала все патриотические потуги других актёров. Но по части бутафории Соломон был незаменим. Ветераны театра вспоминали, как по придуманным им элементам реквизита переписывались целые сценарии,

а иногда и судьбы мира. Один ботинок, стучавший по трибуне в ООН — его идея — чего стоил!

— Как лента алая губы твои, и уста твои любезны... — шептал Соломон, глядя на прямоугольник лаваша, расстеленный перед ним на столе, будто читая невидимый текст.

— Доброе утро и приятного аппетита, — приветствовал его Гена.

— Ласки твои лучше вина, вошёл в сад её, вкушал сладкие плоды...

— Откуда вы знаете? — новобранец на всякий случай посмотрел на лаваш, не написано ли там чего-нибудь.

— Сотовый мёд каплет из уст твоих. Вся казарма ночь не спала, о как любезны ласки твои, — разбавил старец библейский текст современными реалиями.

— Прошу прощения, так вышло.

— Я сплю, а сердце моё бодрствует. Голова моя покрыта росой, кудри мои — ночью влагою. Рычали аки звери пустынные.

— Я же извинился, — голод победил смущение, юноша набросился на еду.

— Не знаю, как судьба влекла меня к колесницам знатных народа моего. Я сошёл в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки. Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня.

Гена дважды подходил за добавкой, а старик всё бубнил и бубнил. Это напоминало одновременно молитву и бред сумасшедшего. Смысла его речей новобранец понять не мог, до сознания долетали отдельные фразы. Тем не менее, околوبيблейский речитатив наполнял трепетом и ощущением причастности к чему-то великому.

— Чёрные птицы летят к холодному солнцу, смерть на крыльях несут. Мандрагоры уже пустили свои благовония, у дверей твоих всякие ядовитые плоды. Кто это восходит к нам от пустыни?

В столовую ворвалась Валькирия, метнула в сторону Гены сверкающий ненавистью взгляд и набросилась на капустный салат. Вселенная наполнилась оглушительным ритмичным хрустом.словно армия щелкунчиков устроила парад в честь юбилея победы над Мышиным королём. Моисей умолк, сложил лаваш вчетверо, спрятал его в карман и скорбно удалился.

— Доброе утро... — робко поприветствовал Валькирию новобранец.

— Хрясь-хрясь-хрясь-хрясь.

— Сегодня вечеринка по случаю моего... появления в коллективе...

— Хрум-хрум-хрум.

— Я собираюсь купить напитки. Какое шампанское вы предпочитаете?

— Хрум-хрум-хрясь-хрясь.

— Хорошо, я разного возьму...

— Хрясь-хрясь, ты, хрум, это, хрясь.

— Простите?

— Ты мне должен, хрясь-хрясь-хрясь.

— А-а-а... — согласился Гена.

— Если и рыжая меня обскачет, я тебя, хрум-хрясь-хрясь, — Валькирия метнула тарелку на стойку с грязной посудой и вылетела из столовой, цокая каблуками в такт хрусту капусты.

Проводив взглядом роскошную задницу, обтянутую на этот раз голубыми джинсами, Гена с удивлением отметил, что не боится. Более того, ждёт близости с женщиной-ураганом. Ночью со Снегурочкой он был на высоте. А если с Валькирией что-то пойдёт не так, можно снова перевоплотиться в Чингачугука.

Опросив боевых товарищей, новобранец Франкенштейн составил винную карту на ближайший вечер. Актёры подразделения «Т» оказались весьма разборчивы. Одних коньяков набралось шесть сортов.

Перед путешествием в винный отдел он зашёл извиниться перед Юлей. Девушка переодевала манекена, похожего на Жана

Марэ. Завидев Гену, она сделала страшные глаза и двинула манекену коленом в пах.

— Куда пропал, ковбой? — в её голосе совсем не было обиды.

— Простите меня. На работе задержали, а телефона вашего у меня нет.

— Расслабься. Я на тебе десятку заработала. А могла и двадцатку.

— Как это? — удивился Гена.

— Вчера ко мне подвалили две тёлки. Дали по пять тысяч, показали твои фотки в телефонах. Сказали, если уведу тебя к себе на ночь — дадут ещё по пять. А ты почему-то соскочил.

— Рыжая и брюнетка?

— Ну, да. Сначала брюнетка, примерно через час рыжая с во-о-от такими сиськами. Ничего так тёлки у тебя. Эффектные. Какую выбрал?

— Третью... она меня выбрала... так получилось, — смущённо признался юноша.

— Заинтриговал. Телефончик продиктуй, секс-символ.

Юля помогла Гене затариться алкоголем и заручилась обещанием романтического вечера на следующей неделе.

Гороскоп Галилео

Охранник проверил сумки, горько вздохнул и пропустил Гену на территорию. На куче песка у ворот новобранец заметил мужика с пивным животом и глубокими морщинами на лбу. Под морщинами дремали мутные глазки. Гена вспомнил, что точно знакомился с ним, но имя не отложилось.

— А, Франкенштейн, — заметил юношу коллега.

— Привет. А тебя как... сложно всех сразу запомнить, — Гена опустил тяжёлые сумки на песок.

— Галилео. Я тут над твоим гороскопом размышляю. Жутко интересно.

— Я по гороскопу — телец.

— Этот твой гороскоп — овну под хвост. Или тельцу. У нас здесь свои гороскопы, — Галилео начертил на песке две линии, соединяющие только ему известные точки.

Роман Михеенков (1973 г.р.) — сценарист, драматург и режиссёр. Выпускник Театрального института им. Б. Щукина, Школы-студии А. Митты для сценаристов и режиссёров, Института им. Гнесиных.

Пьесы и инсценировки Романа Михеенкова поставлены в МХТ им. Чехова, театре на Таганке и других. Среди наиболее известных работ: «Вдова Клико», «Дракула», «Лунные зайчики» (2012 г.), «Час Прометеев» и «Теория относительности».

Лауреат конкурсов «Большой финал» (2013), «Согласование времен» (Германия — 2010 и 2012); лауреат конкурсов журнала «Лексикон» (Чикаго — 2011 и 2012), дипломант конкурса «ЛитоДрама» (Россия — 2011).

Произведения Р. Михеенкова опубликованы во многих журналах, в частности «Юность», «Лампа и дымоход» (Россия), «Зарубежные задворки» (Германия), «Побережье», «Время и место» (США); в литературных сборниках «Отражение», «ЛитКульт 2011–2012» и других.

В настоящее время проживает за пределами России.

В книгу известного российского автора Романа Михеенкова включены повесть «Орден Франкенштейна», роман «Портрет Доры Серовой» и несколько рассказов.

Если проводить аналогию с шекспировским Гамлетом, показавшим датскому двору «Мышеловку» — театр в театре, то автор «Ордена Франкенштейна» создал театр в театре, в театре, который показывают в другом театре. Получилась своеобразная система зеркал, отражающих реальность наиболее внятно и реалистично.

Мы внезапно оказались в мире двойников. На телеэкранах мелькают люди похожие на хлебобобов, подводников, политиков и руководителей государства. Они появляются одновременно в разных географических точках и вызывают желание понять, кто же из них настоящий, а кто двойник. Любители теории заговора выдвигают самые разные гипотезы: от коварных происков госдепа, до скрываемого властями нашествия инопланетян. Но никто не знает о тяжёлой работе актёров подразделения «Т» — театра, созданного спецслужбами.

Роман «Портрет Доры Серовой» является логическим продолжением повести: мистический реализм — единственный способ описать современную реальность во всем ее ужасном великолепии. Природа абсолютного зла всегда банальна, зло отталкивается от бытовых подробностей, мелких деталей, случайных фраз. Портрет Дориана Грея стал отражением души падшего ангела. Портрет Доры Серовой станет картой сегодняшнего мира. Задача читателя — не найти себя на этой карте, чтобы потом не было мучительно больно. Но не получится. Других территорий у бытия для вас нет...

PUBLISHING

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-970342-44-4

90000 >

9 781970 342444